

Д. Я. САМОКВАСОВ И РАЗВИТИЕ СЛАВЯНО-РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ

А. Н. Голотвин

Воронежский государственный университет

Исследование посвящено анализу научного наследия Д. Я. Самоквасова, одного из ведущих отечественных археологов и историков последней трети XIX — начала XX вв., внесшего значительный вклад в изучение славяно-русских древностей. Его работы заложили основы для последующего решения многих проблем археологии славянского мира и Древней Руси (методика полевых исследований, изучение погребальных и поселенческих памятников, происхождения славян, классификация древностей). Анализ его работ в системе общей периодизации истории отечественной археологии позволил говорить об эволюции взглядов ученого и выделить 3 периода в его научном творчестве.

Д. Я. Самоквасов — известный археолог последней трети XIX — начала XX в., работы которого внесли значительный вклад в изучение славяно-русских древностей.

Отдельные аспекты обозначенной темы привлекали внимание ученых [1, 2] однако представляется важным остановиться на всестороннем анализе вопроса, рассмотреть его в динамике развития взглядов Д. Я. Самоквасова на основные проблемы славяно-русской археологии.

Историк русского права по образованию и профессии, как и большинство его коллег второй половины XIX в., Д. Я. Самоквасов испытал влияние идей позитивизма, один из главных принципов которого, объективность, предполагал критическое отношение к источникам [3, с. 9—31]. Молодой историк-юрист, сосредоточивший основное внимание на языческом периоде русской истории и права, ставит под сомнение сообщения своего главного источника, летописи, и обращается к поиску новых методов его анализа. Такой метод предполагал сопоставление летописных сообщений не только разных списков и редакций, но и их проверку данными других наук [4, с. 241—252]. Важнейшими из них оказались археологические, а сам ученый, увлекшись раскопками, стал археологом. Уже работая над магистерской диссертацией, посвященной проблемам древнерусского города, в качестве источника Д. Я. Самоквасов привлекает «свидетельства вещественных памятников — сохранившиеся городища» [5]. Характер последних оставался дискуссионным, много сторонников по-прежнему имела точка зрения об их богослужебном назначении, высказанная З. Д. Ходаковским. Желая

лично ознакомиться с первоисточником, Д. Я. Самоквасов осуществляет разведочные исследования этих памятников, осмотрев в течение 1871—72 гг. до 72 городищ.

К началу 70-х гг. XIX вв. славяно-русской археологии заканчивается этап первоначального накопления источников, в связи с чем формулируются новые задачи, решение которых способствует ее выходу на качественно новый уровень [6, с. 165—166].

С 1872 г. Московское археологическое общество начинает «обследовать могильные и другие древности» в местах расселения славянских племен. Д. Я. Самоквасов, первые полевые работы которого привлекли внимание руководителя общества А. С. Уварова, получив финансовую поддержку, принимает на себя изучение территории северян [7, с. 46]. На молодого ученого определенное влияние оказали взгляды А. С. Уварова, который указал не только на возможность выделения археологических памятников принадлежащих различным летописным племенам и введения их в круг источников отечественной истории, но и предложил метод определения таких памятников [8, с. 124—135].

Исходя из сообщений летописи, северяне помещались по Десне, Сейму и Суле, поэтому Д. Я. Самоквасов и предпринял раскопки городищ и курганов, располагавшихся по этим рекам. Перед начинающим археологом стояла непростая задача выделения признаков, характерных для археологических памятников этого племени.

В 1872 г. в Курской губернии исследуются городища у Николаевской Белогорской пустыни (Горнальские) и расположенные поблизости курганы [9]. Изучая славянские памятники Днепров-

ского Левобережья, Д. Я. Самоквасов не мог обойти ее главных по размерам и местоположению археологических объектов. Были раскопаны курганы в роще Троицкого монастыря в Чернигове («Гульбище» и «Безымянный»), а в конце полевого сезона он приступил к изучению насыпей в черте самого города, в том числе и самой большой из них, носившей название «Черная могила» [10, с. 78—79]. Раскопки богатых захоронений «княжеского ранга», получивших широкий резонанс и ставших эталонными для этого круга древностей, открывали «новый хронологический горизонт, новый исследовательский потенциал славяно-русской археологии» [6, с. 169].

В 1873 г. Д. Я. Самоквасов защитил магистерскую диссертацию, в которой доказывал поселенческое происхождение городищ, убедительно подтверждая это составом «пробных ям», содержавших черепки разбитой посуды, кости, орудия труда, украшения, оружие и др. находки. Все изученные городища он разделил на два типа: 1) с правильными «угловатыми очертаниями» и бастионами для орудий по углам, относящиеся к периоду после появления огнестрельного оружия, и 2) с «кругообразными очертаниями» — до распространения пороха и пушек [5, с. 112]. Его интересовали только более древние городища, для которых учитывалась форма, размеры, географические и топографические условия расположения, планировка оборонительных сооружений [11, с. 231]. Данные анкетирования, осуществленного по инициативе ученого через Центральный статистический комитет [12, с. 255—264], дали основания говорить о существовании не нескольких сотен, а нескольких тысяч древнерусских городов, что в свою очередь позволило по-новому взглянуть на характер, происхождение и развитие древнерусских поселений.

Эти выводы позволили ввести городища в число важнейших археологических источников.

Однако в число последних попали и памятники раннего железного века (Юхновское, Дьяковское и др.), поскольку время городища Д. Я. Самоквасов определял не по находкам, а по расположенным рядом курганам, наличия которых было достаточно для отнесения объекта к «языческой эпохе».

После защиты диссертации этот тип памятников и стал главным объектом изучения. К концу 1875 г. было исследовано около 300 курганов и всего несколько городищ (Ратское и др.) [13].

Методика раскопок Д. Я. Самоквасова стала основой для инструкции археологам, принятой на

III АС [14, с. LXIX—LXXII] и других методических рекомендаций [15]. Основное внимание при раскопках ученый уделял устройству и содержанию могилы, погребальному обряду. По этому признаку раскопанные курганы он разделил на 5 групп: «с кострищами», «содержащие в себе сосуды со жжеными человеческими костями», «с костями, лежащими на поверхности земли без гробов», «с костями, лежащими в ямах и гроба», а также в «сидячем положении» и «верхом на лошади» [13, 19].

Однако все исследованные памятники оставались потенциальными историческими источниками до определения их времени и народности. Эту задачу и пытался решить Д. Я. Самоквасов в своих первых работах по археологии, большинство которых посвящались значению городищ и курганов для истории [16, 13, 9, 11].

Датировку давали курганы с монетами и сравнение их «устройства и содержания» с другими могилами. Сложнее обстояло дело с этнической атрибуцией. Характерные для славянских погребений археологические признаки не были выделены, и определение этноса строилось на сопоставлении открытых погребальных обрядов и данных письменных источников. Летопись сообщала только о трупосожжениях, а обряд, открытый в «Черной могиле» и других курганах с кострищами, имел поразительное сходство с описанием похорон знатного руса у Ибн-Фадлана. Однако необходимо было доказать, что русы Ибн-Фадлана, а следовательно и курганы с кострищами, не принадлежат варягам.

Основными аргументами в пользу этого стали: сообщение летописи о погребении варягов Оскольда и Дира, отсутствие курганов с трупосожжениями в других местах расселения славян, прежде всего в стольном Киеве (сообщения Фундуклея о двух похожих захоронениях не поколебали его выводов), отсутствие признаков норманских захоронений выделенных графом Уваровым [9].

Результаты исследования городищ и курганов утвердили мнение о принадлежности северянам всей левобережной части Среднего Поднепровья и позволили говорить о славянах языческой эпохи как о народе более цивилизованном, чем представлялось в трудах историков-норманистов. Существование значительного количества укрепленных поселений свидетельствовало о наличии у них «политического общества», находки монет трактовались как следствие разветвленных торговых связей, а различия в размере и богатстве курганов как признаки социально-имущественной дифференциации. Так, северянские курганы Д. Я. Само-

квасов делил на 3 вида: «Курганы, заключающие в себе сосуды с сожженными человеческими костями, не превышающие 3 аршин высоты и 40 аршин окружности основания, очевидно могилы людей незнатных, небогатых. Черниговские, Седневские и Стародубские курганы с кострищами, в которых не было найдено военных доспехов, не превышающие 8 аршин отвесной высоты и 100 аршин в окружности основания, соответствуют могилам знатных лиц, и, наконец, Черная могила, курган Гульбище и княжны Чорны, соответствуют могилам начальников» [9, с. 223].

С конца 70-х гг. можно заметить определенные изменения во взглядах Д. Я. Самоквасова. С расширением района полевых исследований в поле зрения ученого попадают памятники более раннего времени, что способствовало выходу на проблему происхождения славян, стремлению классифицировать открытые древности, развитию понятийного аппарата, изменению подхода к источникам. Если в первых работах основным «вещественным памятником» выступал курган в целом, то теперь его место занимает отдельное погребение [17, с. 50—51; 18; 19].

Изучение курганов раннего железного века в Посулье привело Д. Я. Самоквасова к мысли «о стародавнем пребывании Славян в Приднепровье» [17, с. 50—51]. В конце 1880 г. он писал А. П. Богданову: «... множество фактов, встреченных мною в древней истории, географии и этнографии... доказывают ближайшее родство скифов с древними ирано-арийскими народами с одной стороны, и новыми германо-славяно-литовскими народами с другой...» [20, л. 17]. Доказательству родства славян и скифов был посвящен реферат, прочитанный на V АС [21, с. 89—111], ставший первой главой обобщающей работы [22].

В этногенезе восточных славян Д. Я. Самоквасов выделял два этапа: образование общей славянской народности и ее распад на славян южных, западных и восточных.

Предком славян, германце и балтов он считал скифов, но славяне, по его мнению, сохранили больше общих черт, поскольку обособились последними. Доказывая это, ученый приводил сообщения древних авторов, называвших славян скифами, находил общие этнографические черты в их религии, одежде и погребальном обряде [21, с. 198].

Более подробно профессор останавливался на втором этапе. Он считал, что во II веке до н.э. сарматские племена, покорившие скифов, передвигаются в области между Днепром и Дунаем и, сме-

шавшись с туземными племенами, образовали государство во главе с гетами. Выселение последних за Карпаты под натиском римлян Д. Я. Самоквасов отождествлял с летописным свидетельством о переселении славян из дунайской прародины [22].

Основным археологическим доказательством этой колонизации стали клады римских динариев, попавшие в число исторических источников. Д. Я. Самоквасов не был первым, кто попытался дать объяснение этому явлению, но первым связал его с вопросом происхождения славян [23, с. 8—9].

Принадлежность кладов славянским переселенцам, продавшим свое имущество, по мнению ученого, подтверждали следующие факты: 1) не торговое происхождение кладов состоявших только из римских монет; 2) их наибольшая концентрация в центральных областях Европы; 3) отсутствие кладов на балтийском побережье, что опровергало теорию их появления в результате торговли янтарем; 4) присутствие в славянских могилах большого количества серебра в результате утилизацией монет; 5) датировка монет только I—III вв. н.э. — временем колонизации славян.

Он писал, что предки русского народа образовали в среднем течении Днепра государство, в рамках которого обособились восточные славяне, распавшиеся под натиском хазар на двенадцать племен [22, с. 140—149; 24, с. 32—34].

Исходя из своих взглядов на этногенез славян, исследователь обозначил исторические эпохи, в соответствии с которыми были систематизированы все «языческие могилы» южных и центральных областей европейской России. Для каждого периода Д. Я. Самоквасов выделял и ряд археологических признаков. Для славянской эпохи это присутствие в погребениях монет VI—XI вв., а также византийского и арабского импорта, новых форм предметов вооружения и быта, западная ориентировка погребений с характерным положением конечностей, преобладание серебряных изделий над золотыми и др. [25].

Из славяно-русских памятников, изученных ученым в 80—90-е гг. следует назвать курганы в окрестностях Чернигова (Троицкая, Гушинская и Стриженовская группы), в Новгород-Северском (с. Лариновка) и Черниговском (х. Мишкин, г. Березена, м. Седнев) уездах, у м. Мены Сосницкого уезда Черниговской губернии и в Роменском уезде Полтавской губернии [26, с. 96—98]. Серьезное влияние на развитие его взглядов оказало исследование захоронения в срубной гробнице с конем у д. Гушино, находкам из которого он нашел анало-

гии в «Черной могиле» и «Гульбище» [27, с. 10]. Надо полагать, что именно после этого открытия погребения в ямах были отнесены к северянским.

Попадали в поле зрения Д. Я. Самоквасова и памятники XII—XIII вв., такие как фундамент храма в Чернигове, раскопки, которого носили охранный характер [27, с. 9—10].

К началу XX в. отечественная археология оформляется в самостоятельную науку, изучающую «связанные с жизнью и деятельностью человека ископаемые вещественные свидетельства» [28, с. 11], а в ее рамках складывается отдельная славяно-русская археология.

В период работы XII АС Д. Я. Самоквасов принимает участие в исследовании Донецкого городища. Обитателями городища ученый считал половцев и датировал его домонгольским временем. Но если он по-прежнему ссылался на результаты исследованного им могильника и отдельные находки с городища [29, с. 330—331], то В. А. Городцов, определявший памятник как славянский, руководствовался уже керамическим материалом [30, с. 204—215].

Особенно активное участие Д. Я. Самоквасов принял в подготовке и работе XIV АС в Чернигове. Он не только сам произвел показательные раскопки курганов во время съезда, но и организовал целый комплекс полевых исследований для определения границ расселения северян в Посулье и решения других вопросов, предложенных съезду [31, с. 24]. На его средства раскопки провели В. А. Городцов, Е. Н. Макаренко, В. В. Хвойко и др. [32, с. VII—VIII].

Подготовка к съезду стала причиной выхода серии работ, обобщающих археологические исследования Дмитрия Яковлевича, в которых он не только предлагал решение новых проблем археологии и истории славян, но и скорректировал ранее высказанные взгляды.

Теперь все археологические памятники рассматривались в привязке к тому или иному периоду классификации древностей. Ведь, по его мнению, «древности, извлеченные из жилищ и могил неизвестных времен и народов, безгласны для историка, хотя их формы могут быть интересны для археолога...» [33, с. 42—43]. Так курганы с погребениями на горизонте Д. Я. Самоквасов считал принадлежащими «одному из чужеродных славянам народов, призванному первыми князьями Рюрикова дома для заселения пограничных городов Киевского великого княжества». Выделялись и «древнейшие русские могилы христианского времени» — подкурганые

захоронения, совершенные по христианскому обряду [33, с. 236—237; 254—257].

Использование для датировки городищ отдельных находок позволило Д. Я. Самоквасову более уверенно отличать славянские памятники от поселений других эпох. Обозначив же на географической карте городища, он определил границы северянской земли и выделил в ней десять волостей.

Согласно взглядам на происхождение и развитие древних поселений, эти волости должны были состоять из старших городов и пригородов. Административный центр волости ученый определял по размерам городища, количеству укрепленных площадок и численности курганов, расположенных рядом с ним [34, с. 23—56]. Практически те же критерии стали основными и в классификации А. В. Кузы, разработанной в 80-х гг. XX в. [35, с. 37—49].

Возвращается Д. Я. Самоквасов к проблеме этногенеза славян [34, с. 63—93; 36]. По сравнению с предыдущими исследованиями, его выводы более весомо подтверждались содержанием и устройством погребальных памятников. Отсутствие в пределах расселения славянских племен более древних могил, за исключением погребений каменной эпохи, доказывало их пришлый характер. Только в Посулье он выделял захоронения «сарматской эпохи», совершенные по обряду трупосожжения с предметами римского искусства, которыми, наряду с кладами римских монет, аргументировал генетическую связь восточных славян с их дунайской прародиной [36, с. 22—23].

В другой работе между могилами сарматского и русского периодов появляются могилы «Россов» — гето-дакийских колонистов, оставивших поля погребальных урн в Италии, Польше, Галиции, Силезии, а также в пределах Киевской и Полтавской губерний (раскопки Хвойко в 1899—1900 г. и Макаренко в 1906 г.) [33, с. 174—186].

В 1909 г., совместно с Курской ученой архивной комиссией, Д. Я. Самоквасов начинает исследования Гочевского археологического комплекса, раскопав в течение нескольких дней 278 курганов и заложив несколько траншей на городищах. Результаты изучения, как и некоторые другие работы, были изданы только после смерти ученого [37, 38].

В отличие от предыдущих трудов, практически не содержащих иллюстраций (отдельный атлас предусматривался для «Могила Русской земли», но отпечатан был только один экземпляр), большую часть этих работ составляют чертежи и рисунки вещей. Так, по замыслу Д. Я. Самоквасова, книга

по Гочеву должна была состоять из двух частей. Первая включила бы в себя «описание внешних форм и хода работ», «описание форм и значение бытовых изделий» и «исследование по определению времени и народности», а вторая — «план Гочевских городищ и курганного могильника» и «дневник раскопок с рисунками изделий» [38, с. 7].

В вышедших после смерти археолога работах задачей ставилось не разработка исторических построений, а превращение «археологических материалов» в исторические источники и введение их в научный оборот. В число последних включалась и керамика. Особенно ценными ученый считал погребальные урны, издание которых, «...со всеми орнаментами и знаками на донышках было бы настольною книгою каждого русского археолога, потому что дало бы возможность установить фактические отличительные признаки славяно-русской керамики» [39, с. 74].

В заключение отметим, что работы Д. Я. Самоквасова являются важным этапом в развитии славяно-русской археологии. Им было раскопано и введено в научный оборот значительное количество археологических памятников, в том числе и ставших эталонными для славянских древностей. Именно после его работ в круг исторических источников окончательно вошли городища. Применяемая этим исследователем методика раскопок легла в основу нескольких общероссийских инструкций археологам. Методология Д. Я. Самоквасова позволила ему перейти от первичной классификации материала к его анализу и исторической интерпретации. Рассмотрение археологической части научного наследия ученого позволяет наметить в его творчестве три периода: 1) 70-е гг. XIX в.; 2) 80—90-е гг. XIX в.; 3) начало XX в. Основным критерием этого деления является изменение подходов исследователя к археологическому источнику, что оказывало влияние на методологию, методику, понятийный аппарат и т.д. В общем, выделяемые периоды отражают тенденции в развитии славяно-русской археологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д. Я. Самоквасова. Матеріали історико-археологічного семінару, присвяченого 150-річчю від дня народження Д. Я. Самоквасова (Новгород-Сіверський). — Чернівці, 1993.
2. Щавелев С.П. Историк русской земли. Жизнь и труды Д. Я. Самоквасова / С. П. Щавелев. — Курск, 1998.
3. Нечухрин А.Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. — 1917 г.) / А. Н. Нечухрин. — Гродно, 2003.

4. Самоквасов Д.Я. О методе ученой разработки исторических источников. Вступительная лекция в курсе истории русского права, читанная в Императорском Варшавском университете / Д. Я. Самоквасов // ЖМНП. — Ч. 170. — 1873. — № 12.

5. Самоквасов Д.Я. Древние города России / Д. Я. Самоквасов. — СПб., 1873.

6. Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700—1917 гг. / Г. С. Лебедев. — СПб., 1992.

7. Древности. Труды ИМАО. — Т. IV. — Вып. 1. — М., 1874.

8. Уваров А.С. О признаках народности могильных насыпей / А. С. Уваров // Древности. Труды ИМАО. — Т. III. — Вып. 4. — М., 1873.

9. Самоквасов Д.Я. Северянские курганы и их значение для истории / Д. Я. Самоквасов // Труды III АС в России бывшего в Киеве в августе 1874 года. — Киев, 1878. — Т. I. Труды IV АС в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 г. — Казань, 1884. — Т. I.

10. Самоквасов Д.Я. Результаты исследования Черниговских курганов с кострищами / Д. Я. Самоквасов // Древности. Труды ИМАО. — Т. IV. — Вып. 2. — М., 1874.

11. Самоквасов Д.Я. Историческое значение городищ / Д. Я. Самоквасов // Труды III АС в России бывшего в Киеве в августе 1874 года. — Киев, 1878. — Т. I.

12. Щавелев С.П. Первый опыт массового учета археологических памятников в России (анкета Д. Я. Самоквасова 1872—1873 гг. и ее результаты) / С. П. Щавелев // Российская археология. — 1992. — № 1.

13. Самоквасов Д.Я. Древние земляные насыпи и их значение для истории / Д. Я. Самоквасов // Древняя и новая Россия. — 1876. — № 3; № 4.

14. Инструкция для описания городищ, курганов и пещер и для проведения раскопок курганов // Труды III АС в России бывшего в Киеве в августе 1874 года. — Киев, 1878. — Т. I.

15. Самоквасов Д.Я. Инструкция для научного исследования курганов / Д. Я. Самоквасов // Антропологическая выставка 1879 г. — М., 1879. — Т. I.

16. Самоквасов Д.Я. О городищах и курганах в земле Северян и их значении в истории / Д. Я. Самоквасов // Черниговские губернские ведомости. — 1872. — № 45. Отдельный оттиск.

17. Древности. Труды ИМАО. — Т. VII. — Вып. 3. М., 1878.

18. Самоквасов Д.Я. Вещественные памятники в пределах Малороссии / Д. Я. Самоквасов // Антропологическая выставка 1879 г. — М., 1879. — Т. III.

19. Доклад о действиях ИАК за 1883 и 1884 гг. // Отчет ИАК за 1882—1888 гг. — СПб., 1891.

20. АРАН. Ф. 446. Оп. 2. Д. 581.

21. Самоквасов Д.Я. Генетическое, этнографическое сродство Скифов и Славян. / Д. Я. Самоквасов // Труды V АС в Тифлисе. 1881. — М., 1887.

22. Самоквасов Д.Я. История русского права. Вып. 2. Происхождение Славян. Происхождение Русских Славян / Д. Я. Самоквасов. — Варшава, 1884.

23. *Кропоткин В.В.* Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры / В. В. Кропоткин. — М., 1967.
24. *Самоквасов Д.Я.* О происхождении русских и польских Славян и о причине появления кладов римских монет в земле древних Руссов и Ляхов / Д. Я. Самоквасов // Труды VIII АС. — Т. III. — М., 1897.
25. *Самоквасов Д.Я.* Основания хронологической классификации и каталог коллекции Древностей / Д. Я. Самоквасов. — Варшава, 1892.
26. *Щавелев С.П.* Вклад Д. Я. Самоквасова в полевою археологию (по архивной рукописи ученого) / С. П. Щавелев // Проблемы первобытной археологии Евразии (к 75-летию А. А. Формозова). — М., 2004.
27. Древности. Труды ИМАО. — Т. IX. — Вып. 1. М., 1881.
28. *Пряхин А.Д.* Дореволюционное время в развитии отечественной археологии / А. Д. Пряхин // История отечественной археологии: дореволюционное время. Материалы IV чтений по историографии археологии Евразии. — Воронеж, 2004.
29. Труды XII АС в Харькове. 1902 г. — Т. III. — М., 1905.
30. *Цыбин М.В.* В. А. Городцов и проблемы историко-археологического изучения юго-востока Древней Руси / М. В. Цыбин // Исторические записки. — Воронеж, 1999. — Вып. 4.
31. Правила XIV АС в Чернигове в 1908 г. и протоколы заседания Предварительного Комитета 7—9 февраля 1906 г. — М., 1906.
32. Раскопки Северянских курганов в Чернигове во время XIV АС Д. Я. Самоквасовым. Посмертное издание. — М., 1916.
33. *Самоквасов Д.Я.* Могилы Русской земли / Д. Я. Самоквасов. — М., 1908.
34. *Самоквасов Д.Я.* Северянская земля и Северяне по городищам и могилам / Д. Я. Самоквасов. — М., 1908.
35. Археология СССР. Древняя Русь. Город. Замок. Село. — М., 1985.
36. *Самоквасов Д.Я.* Происхождение русского народа / Д. Я. Самоквасов. — М., 1908.
37. Атлас Гочевских древностей. — М., 1915.
38. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии, произведенных проф. Д. Я. Самоквасовым в августе 1909 года. — М., 1915.
39. Могильные древности Северянской Черниговщины Д. Я. Самоквасова. Посмертное издание. — М., 1917.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АРАН — Архив Российской академии наук
АС — Археологический съезд
ЖМНП — журнал министерства народного просвещения
ИАК — Императорская археологическая комиссия
ИМАО — Императорское московское археологическое общество